УДК 008:1

Коробов Егор Павлович – преподаватель обществознания профессионального училища №3, соискатель ФГПО ГОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет» (г. Биробиджан).
E-mail: ***egor_korobov@mail.ru***

Egor Pavlovich Korobov– lecturer of the social science of the professional school № 3, competitor of FGPO GOU VPO “The Pacific State University” (Birobidzhan). *E-mail: egor_korobov@mail.ru*

E.P. Korobov

«The third way» L.A. Tikhomirova in the philosophy of Russian conservatism

The article discusses the necessity of searching for a special way of development of the sovereign power, in the first instance from the standpoint of cultural-philosophical theory of conservatism. Considering the many-sided nature of the concept "conservatism", L.A. Tikhomirov's cultural and historical theory, as the most fully reflecting the essence of given problem is taken for a basis. So the question of the philosophical-anthropological and subjective view of the problem is considered.

Keywords: culture, personalizm, crisis, «the third way», cultural and social system, monism and dualism, subject, autarky, nihilism, world-view.

«Третий путь» Л. А. Тихомирова в философии русского консерватизма

В статье обосновывается необходимость поиска особого пути развития суверенной державы, в первую очередь с позиций культурно-философской теории консерватизма. Учитывая многогранность понятия «консерватизм», за основу взята культурно-историческая теория Л. А. Тихомирова, как наиболее полно отображающая суть поставленной проблемы. Так же рассматривается вопрос о философско-антропологическом и субъективном взгляде на проблему.

Ключевые слова: культура, персонализм, кризис, «третий путь», культурно-социальная система, монизм, дуализм, субъект, автаркия, нигилизм, миросозерцание.

Поиск «Третьего пути» сегодня уже стал обыденным явлением в научно-популярной мысли нашего времени. Сама по себе эта теория многогранна и проистекает из различных культурно-философских положений, которые рассмотрены в трудах самого Л. А. Тихомирова, задавшегося целью обосновать факт существования России как империи и суверенного государства с освящённой веками верховной властью в «симфонии» с единым народом – носителем имперской идеи. Через эту призму мы сможем более чётко увидеть русскую культуру в её консервативном аспекте и оценить её с наибольшей полнотой.

Теория Л. А. Тихомирова была одной из конституировавшихся в отечественной философии культуры попыток преодолеть кризис академического мышления в плане осознания основ национальной культуры, сущности социальных институтов, а в общем – и всей государственной системы России конца XIX – начала XX вв. в рамках научного государствоведения.

Обозначенный кризис был «эйдетическим» образом связан с кризисом модернистского понимания культуры в натуралистском и нормативистском аспектах. Л. А. Тихомирову удалось разработать и обосновать «третий путь» в аспекте философском, что выразилось в довольно основательно изложенном этим исследователем государственно-правовом учении, доктринально дистанцированным от гуманистической версии натурализма, от позитивистских школ, от коммунистических, анархистских и нигилистических идеологем. Он предлагал творческое традиционалистское решение проблем прав и свобод личности, широкого демократического самоуправления в контексте «исторической государственности» культуры, а не на основе её разрушения [1].

В историю отечественной мысли Тихомиров входит не как творец оригинальной философской системы, могущей соперничать с метафизикой всеединства С. Н. Булгакова или религиозным неоромантизмом Н. А. Бердяева, а как талантливый апологет принципов самодержавия, ставший автором «Монархической государственности», «Носителя идеала» и «Воспоминаний».

Перенося религиозные представления в сферу относительного, человек, по мнению мыслителя, оказывается в противоречивом положении относительно действительности и вынужден отрицательно относиться ко всему условному, историческому и национальному, ко всем началам, формирующим реальный социально-культурный порядок. Мир такого человека, оказавшись под влиянием суеверия и мрака или жёсткого рационализма, неизбежно распадается, превращается в одну из форм социальной религиозности и порождает у индивидуума беспочвенное стремление ждать наступления некоего земного рая,

доминантой миросозерцания человека становится идея грядущего идеального социального строя. Руководствуясь подобным миросозерцанием, человек обречен на организацию непрерывной революции посредством беспощадной критики или насильственного разрушения наличных культурно-социальных систем [2]. Как в тезисе М. Б. Смолина, полагающего, что в монархической теории Л. А. Тихомирова «… чем ближе религия стоит к христианству, тем более правильная форма монархии будет реализовываться» [3].

В представлении Л. А. Тихомирова человеческая история есть жесточайшая борьба, которая протекает не в сфере человеческой телесности, хотя её нисхождение и провоцирует немалую часть милитаристских настроений и вооруженных конфликтов среди обитателей нашей планеты, но борьба, которая протекает в сфере человеческого духа, обнаруживаясь в виде столкновений двух взаимоисключающих, непримиримых, конкурирующих религиозно-философских установок (пантеистического монизма и дуализма), представляющих собой внутренне интегрированные, абсолютно самодостаточные, совершенно непроницаемые друг для друга мировоззренческие системы, обладающие сложной категориальной архитектоникой, которая отражает две различные интерпретации онтологических констант, принципиально неспособных к какой-либо парадигмальной конвергенции.

Их взаимные отношения отнюдь не тождественны противоречивому динамизму диалектических категорий, обладающих способностью к сочетаниям, взаимодополнениям, взаимопереходам и прочим вариантам смысловых ассимиляций, характеризующих живую «текучесть» человеческой мысли в её стремлении к новым интеллектуальным синтезам. Содержательная автаркичность, обусловливающая невозможность их вовлечения в триадический ритм диалектического полагания, делает их доктринальные ядра (монистическое и дуалистическое) и онтологические конструкции абсолютно несовместимыми и непримиримыми, что сводит на нет не только саму идею «снятия» этой мировоззренческой контроверзы в новой концептуальной целостности, но и всякую попытку представить историческое бытие каждой из них в виде направленного поступательного изменения – эволюционного развития, – способного на определённой стадии преодолеть свои исходные теоретические позиции и выйти на качественно новый уровень религиозно-философских взглядов [4].

В «Монархической государственности» Тихомиров подробно излагает научные основания своей концепции. Согласно мыслителю, феномен власти есть объект изучения исторического и социально-

культурных аспектов науки. Причем, именно социокультурный анализ способен раскрыть сущность данного феномена. Тихомиров не просто констатирует значение социологических изысканий, но и последовательно обосновывает теорию социологического познания. Опираясь на подходы Г. Лебона, А. Фуллье, А. Эспинаса, он указывает на психический фундамент социальных явлений, считает психологические основания общественности неизбежным выводом для социологии [5].

Центрация политического разума в становлении монархии позволяет рассматривать концепцию Л. А. Тихомирова как политико-правовую конструкцию. В таком смысле концепцию Тихомирова первым охарактеризовал И. А. Исаев [6].

Не отрицая у Тихомирова утопического теоретизирования, утопизм мыслителя можно понять двояко. С одной стороны, он создает обращённую в будущее концепцию монархии, с другой стороны, считает само самодержавие лишь идеальным типом, а не всецело воплощённой исторической реальностью. В последнем случае утопичность его мысли можно интерпретировать в духе идеальных типизаций М. Вебера, рассматривавшего понятия социальных наук как не отражающие эмпирическую реальность во всей полноте интегрирующие связи и процессы исторической жизни в лишённый противоречий космос мысленных связей, имеющий характер утопии [7].

Данный контекст монархического теоретизирования Тихомирова не может быть отождествлён с идеологемой консерватизма, поскольку сам мыслитель полагал, что никакой идеал в социальной жизни не может быть осуществлён, поскольку она состоит лишь из условностей и оттенков, и позиционировал себя в качестве противника консервативной идеологии и социальных утопий и, следуя чрезвычайно точному определению С. М. Сергеева, должен рассматриваться как апологет традиционализма [8].

В свою очередь, раскрытие смысла истории (в понимании Тихомирова) не просто следует за внутренним непосредственным познавательным актом как реакция абсолютного личного бытия на метафизическое вопрошание относительного человеческого субъекта, но и выстраивается совместно с ним, образуя исторически соотнесённый познавательный процесс, по мере реализации которого сам исторический смысл только и способен явить себя в реальности. Являясь необходимым и независимым моментом становления исторического смысла, подобный познавательный процесс сам превращается в смысл становления истории, заключая в себе процедуру исторического смыслополагания, которая не просто пассивно фиксирует исторический смысл, но и конституирует его формальную определённость [9].

Таким образом, апеллируя к неоспоримости внутреннего опыта субъекта, опираясь на тезис об осознанной волевой активности личности как прототипе иной личной реальности, исходя из персоналистической интерпретации призыва gnothi seauton, Тихомиров раскрывает смысл истории как религиозно-философскую идею. Гносеологическим основанием философии истории и культуры в трактовке Тихомирова становится теория внутреннего непосредственного познания, которая представляет собой версию персоналистического интуитивизма, восходящего в своих истоках к Г. Лотце и Г. Тейхмюллеру [10].

Изложение историософских и культурфилософских воззрений Тихомирова немыслимо вне серьезного философско-антропологического введения, невозможно вне детального исследования взглядов мыслителя на сущность и природу человека.

Отметим, что при интерпретации философской антропологии мы исходим из положений немецкого персоналиста М. Шелера, определившего философскую антропологию как фундаментальную науку о сущности и сущностной структуре человека. Справедливым кажется и определение задач философской антропологии Шелером, утверждавшим, что философская антропология призвана точно показать, как из структуры человеческого бытия вытекают все специфические монополии, свершения и дела человека. Чрезвычайно значимым для нашего исследования становится и утверждение Шелером глубокой взаимосвязи антропологии и истории, постулирование обусловленности борьбы многочисленных исторических концепций принципиально различными идеями о сущности, структуре и происхождении человека, истолкование немецким персоналистом философской антропологии как необходимого фундамента постижения исторического процесса, вне зависимости от осознания этого фундамента историком или философом [11].

Философская антропология Тихомирова не изолирована от конкретной философской традиции, подлежит типологизации, как и все философские картины человека. Она, несомненно, принадлежит к персоналистической философской картине человека и может быть охарактеризована как «антропология, исходящая из духовной сферы человека» или «антропология сверху» [12].

Такой философско-антропологический подход основную специфическую черту личности обнаруживает в духовной сфере, возвышающейся над психофизиологической организацией человека, и утверждает открытость личности идеальным, в том числе религиозным ценностям.

Именно через персонализм в его культурно-философском аспекте познания, позволяющий структурировать бытие с опорой на духовно-

антропологический аспект, «Третий путь» раскрывается в российском консерватизме в трактовке Л. А. Тихомирова. Посредством абстрагирования от явления, ранее воспринимавшегося как данность, можно говорить о консерватизме (и в перспективе – монархизме) как о «Третьем пути», присущем в первую очередь России в силу культурно-исторических причин развития государства.

Таким образом, ранее казавшаяся неразрешимой проблема с помощью теорий либерализма и социализма получает шанс на решение, и Россия – шанс на дальнейшее развитие по своему особому «Третьему пути».

Литература и источники:

1. Тихомиров, Л. А. Религиозно-философские основы истории / Л. А. Тихомиров. – М., 1998. – С. 456.

2. Смолин, М. Б. Государственные идеи Л. А. Тихомирова / М. Б. Смолин. – М., 1999. – С. 7.

3. Тихомиров, Л. А. Религиозно-философские основы истории / Л. А. Тихомиров. – М., 1998. – С. 384.

4. Тихомиров, Л. А. Религиозно-философские основы истории / Л. А. Тихомиров. – М., 1998. – С. 396.

5. Тихомиров, Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – М., 1998. – С. 23.

6. Исаев, И. Превращения монархической идеи / И. Исаев // Родина, 1993. – № 1. – С. 49.

7. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990. – С. 61.

8. Сергеев, С. М. Мои идеалы в вечном… (Творческий традиционализм Льва Тихомирова) / С. М. Сергеев. – М., 1998. – С. 473.

9. Тихомиров, Л. А. Религиозно - философские основы истории / Л. А. Тихомиров. – М., 1998. – С. 345 – 358.

10. Озе, Я. Персонализм и проективизм в метафизике Г. Лотце / Я. Озе. – Юрьев, 1896. – С. 45.

11. Шелер, М. Избранные произведения/ М. Шелер. – М., 1994. – С. 173.

12. Шульц, П. Философская антропология. Введение для изучающих психологию / П. Шульц. – Новосибирск, 1996. – С. 14.